

УДК 81.161.1'373.613+811.512.111'373.613

**СТРАНСТВОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ
В ЯЗЫКАХ ВОЛГО-КАМСКОГО АРЕАЛА**

**THE «WANDERING» OF SOME RUSSIAN DIALECTICISMS
IN THE LANGUAGES OF THE VOLGA-KAMA REGION**

К. Адыгаши

K. Adyagashi

Дебреценский университет, г. Дебрецен, Венгрия

Аннотация. В первой части статьи автор дает общую типологию заимствования чувашским языком старых русских слов. С точки зрения хронологии контактов и языков-участников, различаются четыре типа заимствований. Во второй части статьи для иллюстрации последнего, малоизвестного типа – странствующих русских диалектизмов в Волго-Камском ареале – автор анализирует способ заимствования языками Волго-Камского ареала двух русских диалектных слов (*перт* 'баня; жилая изба у карелов' и *лубье* 'мягкая древесная кора'), попавших в чувашский язык в последней фазе их странствования.

Abstract. In the first part of the article the author gives an overall typology of how Old Russian lexical items were borrowed in the Chuvash language. The author distinguishes four types according to the chronology of contacts and the languages involved. In the second part for the illustration of the latter type the author analyses the way the two Russian dialecticisms (*perť* 'bath; Karelian wooden house' and *lub'jo* 'soft bark') were borrowed by the languages of the Volga-Kama area. The dialecticisms discussed came into the Chuvash language at the final stage of their "wandering".

Ключевые слова: *Волго-Камский ареал, странствующие слова, русский диалектизм, третья веляризация звука э в русском языке, изменение лабиальных гласных в языках Волго-Камского ареала.*

Keywords: *Volga-Kama area, wandering words, Russian dialecticism, the third velarisation of the sound e in Russian, change of labial vowels in the languages of the Volga-Kama area.*

Актуальность исследуемой проблемы. Русские заимствования в чувашском языке стали объектом исследований этимологов достаточно рано [4], [6]. Однако, за редким

исключением [11], их работы ограничивались лишь указанием на русское происхождение изучаемых слов, а для идентификации происхождения русских заимствований они использовали только современный русский литературный язык. Другая особенность этих работ заключается в том, что авторы учитывали лишь прямые заимствования, поскольку в те времена еще не была разработана идея о разных типах опосредования лексических единиц. Избранный подход и метод не позволили им вовлечь в исследование русские диалектизмы со всеми их фонетическими свойствами и таким образом дали только упрощенное основание для реконструкции тех магистралей, по которым разные типы лексических заимствований проникали в чувашский язык при действительных исторических контактах. Такое положение не изменилось даже к концу XX века с выходом в свет нового этимологического словаря чувашского языка [18].

Изучение старых русских заимствований в наши дни получило новое развитие. Благодаря исследованиям русской исторической диалектологии и исторической фонологии языков Волго-Камского ареала, открываются возможности проследить фонетические изменения в русизмах, произошедшие при их заимствовании языками Поволжья. Их фонетический анализ может дать аналогии и методические опоры для расшифровки многих чувашских слов неизвестного происхождения (агномимов) [20] и установления процесса их странствования.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужила диалектная лексика русского, марийского, татарского и чувашского языков. Исследование построено на историко-сопоставительном методе, в работе реализован ареальный подход, т. е. применены те обширные теоретические, исторические и практические знания, которые накопились за пятьдесят лет исследований Волго-Камского ареала [23].

Результаты исследований и их обсуждение. Переход старых русских слов в чувашский язык мог осуществляться четырьмя способами:

а) в результате двусторонних языковых контактов (имеются в виду языковые контакты волжско-булгарских диалектов с русскими, когда одним из диалектов выступал диалект – предшественник чувашского языка [2], [24]);

б) как прямое заимствование из русского в уже существующий в качестве отдельного языка [2];

в) путем опосредования доминирующими языками Волго-Камского ареала [1];

г) как странствующие слова после присоединения Поволжья к Русскому государству.

Последний тип мало представлен в литературе, хотя его значение важно с точки зрения типологии языковых контактов. Ниже представлены два примера указанного типа.

1. Русский диал. *перть* ~ *перт* 'изба; баня' → → чув. *пурт* 'изба, дом'.

Относительно чувашского слова В. Г. Егоров предполагает марийское происхождение [6, 172], указывая на финские и балтийские связи слова. М. Р. Федотов [18, т. 1, 462] повторяет общепринятое в славистической литературе мнение о балто-славянском происхождении всех известных данных, но толкование исторической связи между формами неродственных языков им опускается.

Историческая реконструкция странствования слова основана на следующих данных:

– рус. помор. *перть* 'жилая изба у карелов', ср. костр. *перт* [12, вып. 26, 294], рус. ист. *пурть* 'баня' [15, т. 2, 1772]; [8] *перть* 'баня или сосуд для омовения новорожденного' [13, т. 15, 15]. Этимологию русского существительного М. Фасмер определяет как производное от глагола **per-* 'хлестать, бить баннным веником', имеющего балто-славянское происхождение [17, т. 3, 245];

– марВ. (лугов.) (*P, B, U*), марВ. (центр.) (*C, ČJ*), марЗ. (волж., горн.) (*V, K*) *pört* ‘дом, гостиная, комната’ [25, т. 6, 1960];

– чувН. *pürt*, чувВ. *pört* [3, т. 10, 86–93].

Кроме того, слово еще распространено в скандинавских и прибалтийско-финских языках: фин. *pirtti* ‘изба, комната, сауна’, ср. швед. *pörte, pürte*, инкер. *peritti*, карел. *pirtti, pertti*, вот. *pertti*, эст. *pirt* (← фин. с сохранением значения) [34, III, 576].

Авторы финского этимологического словаря [22] считают, что финское слово является прямым заимствованием из древнерусского *pьrtь* ‘баня’. К этому же источнику восходят карельское и вотское слова (см. там же; хронологию и современный обзор древнерусских заимствований в финском и балтийских языках см. у Й. Бернфлатена [29]). Шведское слово с лабиальным гласным в этимологической литературе [22, 12] считается заимствованием из балтийских языков, несмотря на то, что соответствующую форму или аналогию авторам не удалось привести ни в одном из балтийских языков.

Что касается марийского (и чувашского) слова, лабиальный признак гласного, на первый взгляд, не может быть определен. Видимо, этим объясняется, что А. А. Саваткова в своей монографии о русских заимствованиях в марийском языке это слово не упоминает [10].

Предположение о русском происхождении марийского *pört* можно впервые встретить у Г. Берецки [26, 117]. Он предполагает, что заимствование русского диалектного слова *perť* произошло после распада прамарийского языка, когда в марийском уже появился гласный *ö* (в редких случаях) в результате изменений **i > *e > *ö* или **o > *ö* в позиции перед или после согласного *r*. По его мнению [26, 118], русское слово на марийской основе могло включиться во второй шаг процесса **i > *e > *ö*, т. е. в нем произошло изменение **e > *ö*. Однако данное изменение настолько редко, что среди исконных марийских слов оно встречается только в указанном слове, поэтому оно вряд ли могло служить образцом адаптации русского слова. Русский диалектизм участвовал в марийском изменении **o > *ö*, что встречается довольно часто.

Как было сказано выше, в восточных говорах северного диалекта русского языка был распространен (и зарегистрирован) вариант *perť*, в котором конечный мягкий согласный вторично отвердел. Это вторичное изменение дает основание предположить, что в этом русском слове в поволжских говорах произошла так называемая третья веляризация звука *e*, что привело к появлению русской диалектной формы [*p'ért*] > [*p'ort*].

Третья веляризация звука *e* – это древнерусское диалектное явление, изменение звука *e* на *'o* под ударением, первоначально происшедшее в положении после шипящих и *j* перед твердыми согласными. Но после падения редуцированных и формирования корреляции по мягкости-твердости оно распространилось на все структуры типа *c'éc* [26, 190–202]. (Й. Нуорлуото приписывает этому явлению финское субстратное происхождение [32]). Изменение происходило в период с XI по XV в. и охватывало южную, западную, северную (новгородскую) и северо-восточную диалектные зоны древнерусского языка, а позже стало русской литературной нормой:

др.-рус. [*ž'éltyj*] ‘желтого цвета’ > [*žóltij*], ср. *жолтыи* (XVII в.) [13, т. 5, 86].

Явление в северо-восточной зоне не имело повсеместного распространения, а во владими́ро-поволжских говорах северного диалекта, наоборот, *e* изменилось на *'o* не только под ударением, но и в предударном и заударном положениях [19, 194–195], [14, 11–19]. Старые русские заимствования в марийском языке свидетельствуют о том, что марийцы контактировали именно с этими полноокающими говорами. Среди русских заимствований марийского языка имеются односложные примеры с изменением *e > 'o* под ударением:

др.-рус. *četъ* 'четное число' > влад.-поволж. [č'ot] → мар. диал. (JT) *cot* 'счет, расчет' [25, 7, 2467] (славянскую этимологию русского слова см. в [22, 96–97, 920]);

др.-рус. *jeršъ* 'ерш' > влад.-поволж. [jorš] → мар. диал. (МК) *d'orža* 'пескарь' [25, т. 2, 503] (славянскую этимологию русского слова см. в [21]).

В марийской лексике встречаются и такие русские диалектные заимствования, в которых *e* > 'o осуществилось в первом безударном положении (это явление называется еканьем):

др.-рус. *ръшено* 'просо' > [pšeno] > влад.-поволж. [pš'onó] → мар. диал. (NW) *šona* 'пшеница' [31, 546] (славянскую этимологию русского слова см. в [21, т. 2, 86]).

Марийские данные не могут отражать заударный переход *e* > 'o, потому что в изучаемый период (XV–XVII вв.) марийские структурные правила не допускали гласный звук *o* на исходе двухсложных слов [26, 121–136]. Все перечисленные выше марийские формы имеют такие структурно-фонетические признаки, на основании которых время заимствования можно определить релятивной хронологией, как и до разрушения прамарийских структурных норм, а это предположительно означает время между XV и XVII вв.

Таким образом, относительно истории странствования древнерусского слова *пърть* можно прийти к следующему выводу. Древнерусское *пърть* было заимствовано финским и карельским языками, откуда оно распространилось в эстонский и прибалтийско-финские языки. В среднерусский период (с XIV в.) оно в форме *перть* сохранилось в поморских, восточных и, предположительно, во владими́ро-поволжских говорах северного диалекта русского языка. В восточных говорах возникли его фонетические варианты [pert] и [p'ort], последний из которых в XV–XVII вв. был характерен для поволжского полноокающего говора северного диалекта. Форму [p'ort] заимствовали обе большие диалектные группы марийского языка, в которых при согласном *r* произошло позиционное фонетическое изменение *o* > *ö*. Марийское диалектное слово *pört* было заимствовано верховым диалектом чувашского языка после XVII в., когда в чувашском тенденция сужения системы гласных фонем уже завершилась. Наконец, форма *pört* из верхового диалекта распространилась в низовой диалект в период, предшествующий формированию литературного языка.

2. Рус. диал. *лубье* 'луб, лубки' → → чув. *lǎpǎ* 'большая корзина, кошель редкого сплетения'.

В этимологической литературе чувашское *lǎpǎ* и марийское *lupo* впервые связал между собой М. Ряснен в 1920 г. без указания их происхождения [33, 252]. В. Г. Егоров в 1964 г. определяет происхождение чувашского слова *lǎpǎ* 'корзинка для сена, сплетенная из прутьев' как марийское заимствование [6, 127]. М. Р. Федотов отмечает, что это слово общее для чувашского, татарского, марийского языков и не исключено, что все данные восходят к русскому *луна* [18, т. 1, 335].

Отметим, что предположенная общность не является объективной основой для определения этимологического статуса похожих слов. В нашем случае мы имеем дело со странствующим в языковом ареале русским диалектизмом *лубье*.

Историко-ареальный анализ основан на следующих данных:

– рус. диал. *лубье* 'луб, лубки; что-либо залубленное' [5, т. 2, 270]; влад.-поволж. *лубье* собир. 1. 'лубья'; 2. 'избушка рыбаков на льду озера, сколоченная из лубья'; 3. тульск. пренебр. 'о старой деве' [12, т. 17, 173]; рус. ист. *лѹбѹѣ* ([7, I, 276], 1462 г.) 'lub, lubki'; ср. *лѹбѹѣ* ([9, II, 692], 1629 г.) имеет то же значение [13, т. 8, 291] < прасл. **lubъje* собир. 'мягкая древесина, кора, лыко', производное с суффиксом *-ъje* от *lubъ* [16, 159];

- марВ. (лугов.) *luro* ‘лубочный короб’ [35]; *luro* ‘лубочный короб’ [30];
- чув. *lǎpǎ* ‘глубокая корзина из прутьев’ [3, т. 8, 113];
- татЦ. (крещ.) *libi* ‘липовая кора’ [16, 292]

Вопрос о русском происхождении марийского слова впервые был поднят после того, как Г. Березки в новом этимологическом словаре марийского языка [27, 127], отвечая на сомнения К. Редеи [36], исключил финно-угорское происхождение марийского *luro*. Однако сразу было видно, что русская этимология, предложенная М. Р. Федотовым, не может быть правильной, потому что гласный *i* в слове *липа* в первом слоге ни в одном из диалектов марийского языка ни при каких условиях не реализуется в виде лабиального *u*. Такому требованию мог соответствовать русский диалектизм *лубье*. Марийское слово зарегистрировано в самом восточном пункте марийской языковой территории – в Красноуфимской волости Пермской губернии, а татарское слово также было в употреблении к северо-востоку от Казани. Предполагается, что русский диалектизм был заимствован восточными марийцами из восточных говоров северного диалекта русского языка. Временем заимствования считается период существования прамарийских структурных норм после географического разложения прамарийского единства: рус. *lub'jó* → мар. *lurə*. Это подтверждается тем, что в татарском говоре, в которое затем перешло слово, в конце слова имеется редуцированный гласный. (Согласно прамарийским структурным нормам, в двухсложных словах с конечным открытым слогом мог участвовать исключительно редуцированный гласный [26, 121–123]. Этот гласный в финно-угорской транскрипции обозначается буквой *ç*, что соответствует приблизительно татарскому *ə* и чувашскому *ǎ*). При заимствовании русского диалектизма мягкое сочетание *-b'j-* в марийском субституировался через *-p-*, в отличие от случаев, когда русскому начальному и интервокальному согласному *-b-* в марийском соответствует *-w-*.

Что касается татарского слова, оно не может быть прямым заимствованием из восточного диалекта русского языка, потому что в говоре крещеных татар, где оно было зарегистрировано, в оригинальных словах гласный *-u-* первого слога регулярно представлен в форме *-ǔ-* [28, 137]. Это значит, что слово попало к татарам через марийское посредство. В татарском марийская форма *lurə* в первую очередь могла быть адаптирована озвончением интервокального согласного *-p-* (мар. *lurə* → тат. *lubi*). Затем, когда слово в татарском уже употреблялось согласно правилам татарского ударения на последнем слоге, гласный первого слога мог подвергнуться делабиализации под влиянием ударного гласного: *lubi* > *libi*.

В последней фазе истории заимствования татарское слово могло попасть в чувашские диалекты во время миграции татарских групп в западную сторону, на правый берег Волги: тат. *libi* → чув. *lǎpǎ*.

Резюме. Поскольку тема татарских заимствований в чувашском языке до сих пор не разработана, вопрос о хронологии и точных деталях процесса остается открытым.

Условные сокращения:

влад.-пов. – владими́ро-поволжские говоры северного диалекта русского языка; *вот.* – вотский язык; *диал.* – диалект; *др.-рус.* – древнерусский язык; *инкер.* – инкерийский (ижорский) язык; *ист.* – историческое; *карел.* – карельский язык; *костр.* – восточные говоры северного диалекта русского языка; *мар.* – марийский язык; *марВ. (луг.)* – луговое наречие восточного диалекта марийского языка; *марВ (центр.)* – центральное наречие восточного диалекта марийского языка; *марЗ. (волж.)* – волжское наречие западного диалекта ма-

рийского языка; *марЗ.* (*горн.*) – горное наречие западного диалекта марийского языка; *помор.* – поморские говоры северного диалекта русского языка; *прасл.* – праславянский язык; *пренебр.* – пренебрежительное; *рус.* – русский язык; *татЦ.* (*крещ.*) – говор крещеных татар Заказанья (центральный диалект татарского языка); *собир.* – собирательное; *тульс.* – тульские говоры южного диалекта русского языка; *чув.* – чувашский язык; *чувВ.* – верховой диалект чувашского языка; *чувН.* – низовой диалект чувашского языка; *фин.* – финский язык; *швед.* – шведский язык; *эст.* – эстонский язык, *В* – деревня Вашинга Бирской волости Уфимской губернии, *С* – деревни Царевококшайской волости Казанской губернии, *СЖ* – деревни Уржумской волости Вяткинской губернии, *ЛТ* – деревня Туршо-Мучаш Яранской волости Вяткинской губернии, *К* – Козьмодемьянск, *МК* – деревня Карманкино Малмыжской волости Вяткинской губернии, *NW* – северо-восточное наречие, *U* – деревни Уржумской волости Вяткинской губернии, *P* – деревня Сарси Красноуфимской губернии, *V* – деревня Арба Ветлужской волости Костромской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адягаши, К. Опосредование лексических единиц как характерный действующий механизм доминантного волжско-булгарского языка Волго-Камского языкового ареала / К. Адягаши // Национальные языки и их диалекты на рубеже XX–XXI веков: теория и практика : сб. статей / отв. ред. Т. В. Денисова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 5–14.
2. Адягаши, К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала : этимологический справочник. Часть I / К. Адягаши. – Debrecen : Kossuth Egyetemi Kiadó, 2005. – 213 с.
3. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Казань ; Чебоксары, 1928–1949.
4. Горшков, А. Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики / А. Е. Горшков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 214 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. – 779 с.
6. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
7. Львовская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://io.ua/14026361>.
8. Павлов, А. С. Неизданный памятник русского церковного права XII в.: поучение новгородского владыки Ильи (13 марта 1166 г.) / А. С. Павлов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. – Ч. 271, отд. 2. – С. 275–300.
9. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Т. 1. Вып. 1 / под ред. В. Н. Сторожева. – Рязань : Изд-во Рязан. учен. архивн. комис., 1898. – 416 с.
10. Саваткова, А. А. Русские заимствования в марийском языке / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола : Маркнигоиздат, 1969. – 131 с.
11. Сергеев, И. Т. Русские областные слова в лексике чувашского языка и его диалектов (сельскохозяйственная лексика) / И. Т. Сергеев // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка : труды Чуваш. науч.-исслед. ин-та. – Вып. 97. – Чебоксары, 1980. – С. 110–116.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46 / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – М. ; СПб. : Наука, 1965. – 2013 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975. – 317 с.
14. Смолякова, Л. П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний) / Л. П. Смолякова. – М. : Наука, 1977. – 191 с.
15. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1893–1912.
16. Татар теленен диалектологик сүзлеге / сост. Н. Б. Бурганова и др. ; отв. ред. Л. Т. Махмутова. – Казань : Татар китап нәшрияты, 1969. – 643 с.
17. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1987.
18. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
19. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : историко-диалектологические очерки / Ф. П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – 655 с.

20. Фомин, Э. В. Чувашиские агнонимичные заимствования из европейских языков / Э. В. Фомин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1(81). – С. 71–74.
21. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999.
22. *Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд* / под ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1977. – 235 с.
23. Agyagási, K. Language Contact in the Volga-Kama Area / K. Agyagási // The Szeged Meeting : proceedings of the fifteenth international conference on Turkish linguistics held on August 20–22 2010 in Szeged. – Szeged, 2012. – P. 21–37.
24. Agyagási, K. Mittelbulgarische Dialekte – mittelbulgarischer Sprachzustand / K. Agyagási // Einheit und Vielfalt in der türkischen Welt : Materialien der 5. Deutschen Turkologenkonzferenz Universität Mainz, 4–7 Oktober 2002. – Wiesbaden, 2007. – S. 24–36.
25. Beke, Ö. Mari nyelvjárás szótár. B. 1–9 / Ö. Beke. – Szombathely : BDTF, 1997–2001.
26. Bereczki, G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte / G. Bereczki. – Szeged, 1994. – 147 S. – (Studia Uralo-Altaica ; 35).
27. Bereczki, G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz / G. Bereczki, K. Agyagási ; nach dem Tode des Verfassers herausgegeben von K. Agyagási und E. Winkler. – Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 2013. – 332 S. – (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica ; B. 86).
28. Berta, Á. Lautgeschichte der tatarischen Dialekte / Á. Berta. – Szeged, 1989. – 304 S. – (Studia Uralo-Altaica ; 31).
29. Bjørnflaten, J. I. Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic / J. I. Bjørnflaten // The Slavicization of the Russian North. – Helsinki, 2006. – Slavica Hel-singensia. – Vol. 27. – P. 50–77.
30. Genetz, A. Ost-tscheremissische sprachstudien // Journal de la Société Fenno-Ougrienne 7.
31. Moisio, A. Tscheremissisches Wörterbuch / A. Moisio, S. Saarinen. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. – 924 S.
32. Nuorluoto, J. Is there a Sound Change of „e > o” in Russian? / J. Nuorluoto // The Slavicization of the Russian North. – Helsinki, 2006. – P. 50–77.
33. Räsänen, M. Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tcheremissischen / M. Räsänen. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1920. – 274 S.
34. Itkonen, E. Suomen kielen etymologinen sanakirja. 3 / E. Itkonen ; ed. A. J. Joki. – Helsinki : SUS, 1962. – 2293 S.
35. Szilasi, M. Cseremis szótár / M. Szilasi, U. Füzetek. – Budapest, 1901. – K. 28–30.
36. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. 1–2 / ed. K. Rédei. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1988.